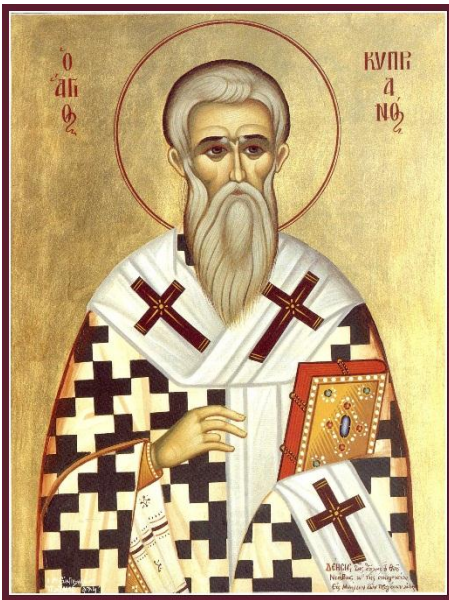

Память 13 сентября (ст. стиль 31 августа)

**Житие и страдание святого священномученика
Киприана, епископа Карфагенского**

Святой Киприан, епископ карфагенский, принадлежит к числу замечательнейших отцов и учителей Церкви III-го века. Ему пришлось жить и действовать в такую годину, когда Церковь Христова обуревалась как гонениями со вне, – от язычников, – так и смутами внутренними - от еретиков и расколоучителей. Святой Киприан явил собою образец, как мужественного архипастыря, пострадавшего за имя Христово, положившего душу свою за своих пасомых, так и разумного устроителя внутренней жизни Церкви. Он оставил многочисленные сочинения, в которых касается разнообразных богословских вопросов и в которых решает почти все недоумения, возникавшие в его время, относительно внутреннего благоустройства жизни Церкви. Посему жизнь его и история его страдания представляются особенно поучительными.

Киприан родился в начале III в¹. Родители его были язычниками и принадлежали к числу знатных и благородных граждан города Карфагена. Первоначальное имя его было Фасций Киприан. В юности Киприан получил хорошее светское образование. Весьма большие успехи оказал Киприан в красноречии, почему был избран учителем риторики в карфагенском училище; по сей же причине многие избирали его своим ходатаем по ведению судебных дел (адвокатом). Можно предполагать, что Киприан по наследству получил значительное состояние; кроме того, выгоды адвокатской должности доставляли ему обильные средства к широкой жизни, почему вначале, будучи язычником, Киприан проводил жизнь греховную. Следствием сего было то, что Киприан, как сам замечает, "покорствуя страстям (своим), невольно благоприятствовал своему собственному несчастью, как будто оно от природы было его уделом"².

Такую греховную жизнь проводил Киприан до тех пор, пока благодати Божией не благоугодно было осенить его душу и призвать его ко спасению. Полагают, что Киприан оставался язычником до своей полной возмужалости, по всей вероятности, до сорокашестилетнего возраста³.

В начале III в. в Карфагене было уже много христиан. Киприан знал об этом; он не мог не заинтересоваться возвышенным учением христианским, ибо от природы был наделен любознательным и благородным умом. Еще до обращения своего в христианство Киприан познакомился с некоторыми сочинениями Тертуллиана⁴ и это натолкнуло его на путь истины.

Еще будучи язычником, Киприан начал чувствовать отвращение от языческой жизни. Он сознавал пагубность и греховность гладиаторских зрелищ, где убийство одних доставляло удовольствие другим; Киприан питал отвращение и к языческим трагедиям и комедиям, которые предавали памяти людей минувшие злодеяния и развращали людей. Еще будучи язычником, он с прискорбием смотрел на несправедливости и притеснения со

стороны судей, на обманы и ссоры между частными лицами; еще будучи язычником, он сознавал, что знатность, честь и богатство, которые кажутся многим так заманчивыми и обольстительными, на самом деле наполняют душу только пустыми и мучительными опасениями и тревогами. Все это привело Киприана к убеждению, что в язычестве спастись нельзя, что языческая религия не может дать человеку мира душевного и не может заслуживать ни малейшего внимания сравнительно с религиею христианскою.

Но сознание глубины и повсеместности нравственного развращения останавливало на время обращение Киприана в христианство. Он часто задумывался о своем нравственном падении, о необходимости исправиться и начать новую жизнь в христианстве, но в то же время страшился первоначально высоких требований христианства; он почитал весьма трудным то духовное возрождение, какое даруется в христианстве, ибо уже много лет он провел в язычестве. Свои сомнения и недоумения по этому поводу он красноречиво выражает в "Письме к Донату". Киприан говорит здесь: "Возможно ли отложить все то, чем был кто-либо ранее, и при том же сложении тела сделаться другим человеком по уму и по сердцу?... Возможно ли совлечься того, что, родившись от глубокой материи, вместе с нею отвердело, или от долговременной привычки укоренилось вместе с летами... Научится ли когда бережливости тот, кто привык к великолепным пиршествам и изысканными снедам? Наденет ли когда-нибудь обыкновенное и простое платье тот, на ком всегда были драгоценные, украшенные золотом, одеяния? Нет, - рассуждал Киприан, - сын роскоши, привыкший к почестям, никогда не решится быть частным и незнатным человеком. Всегда сопровождаемый своими слугами, окружаемый в знак почести многочисленною толпою раболепствующего пред ним народа, он считает наказанием, когда бывает один. Быв пленником беспрестанных забав, он обыкновенно предается винопитию, надмевается гордостью, воспламеняется гневом, помышляет о хищении, поддается жестокости, увлекается похотением. Так часто рассуждал я сам с собою, - пишет Киприан, - ибо и сам был подвержен многим заблуждениям⁵".

В состоянии такой нравственной борьбы и нерешительности Киприан не мог не почувствовать необходимости в посторонней помощи и совете; и Киприан обратился для разрешения своих сомнений к одному карфагенскому пресвитеру, по имени Цецилию. Цецилий успел убедить Киприана в крайней нелепости языческого многобожия и в том, что самые злые наклонности человека могут измениться по действию всемогущей благодати Божией. Таким образом, Киприан принял твердое намерение стать христианином.

По существовавшему в древней Церкви обычаю Киприан до крещения должен был некоторое время провести в состоянии так называемого оглашения⁶. Неизвестно, сколько времени Киприан провел в состоянии оглашения; можно предполагать, что оно было непродолжительно.

Решив стать христианином, Киприан на самом деле доказал искренность своего решения переменою в самом образе своей жизни. Еще в состоянии оглашения Киприан продал все имения свои и вырученные деньги роздал нищим, не оставив ничего для себя. После сего пресвитеру Цецилию, наблюдавшему за духовною жизнью Киприана, уже нельзя было сомневаться в искренности обращения своего ученика. Вскоре за сим, конечно, должно было последовать и крещение Киприана.

Живое чувство духовного преобразования, дарованного в таинстве крещения, сильно подействовало на Киприана. Вот как описывает он в письме к другу своему Донату спасительные действия таинства крещения:

"Когда животворные воды крещения омыли пятна прежней моей жизни, и в очищенное и в оправданное сердце пролился небесный свет; когда, приняв Духа небесного, сделался я новым человеком, тогда чудесным образом я совершенно уверился в том, о чем ранее сомневался; тайны начали открываться, мрак - исчезать; то, что прежде казалось трудным, сделалось удобным, невозможное стало возможным... В принятии небесных даров нет меры. Лишь бы только жаждало и было отверсто сердце наше, мы столько имеем веры, способной к принятию благодати. Она дарует способность уничтожать ядовитую силу греха трезвенною чистотою, непорочною мыслью, чистым словом, непритворною добродетелью: она очищает скверны развращенных сердец, возвращая им здравие; она даст силу примирять врагов, успокаивать беспокойных и грозными заклинаниями понуждать к признанию нечистых духов, вселяющихся в человека. Образ благодатного действия над теми, в коих живут злые духи, невидим, неприметны удары, коими она поражает последних, но казнь видима и разительна. Так вселившийся в нас дух благодати начинает являть свою могущественную силу, и хотя мы тела своего с членами еще не переменили на другое, наше око не затмевается уже мраком века сего. Какое могущество, какая сила Духа! Кто очистился и пребывает чистым, тот не только сам себя сохраняет от мирских соблазнов, не только не уловляется никакою сетью нападающего на него врага, но и укрепляется в своих силах до того, что над всем воинством противника господствует как повелитель"⁷.

Так благодать Божия вскоре после крещения Киприана ознаменовалась в нем внутренним духовным возрождением. Хотя он изменил уже, как это было упомянуто выше, образ жизни своей еще до крещения, находясь в состоянии оглашения, но, по собственному признанию его, вера его получила полную твердость, и воля совершенную свою силу и крепость уже в крещении. Он крестился, вероятно, в праздник Пасхи или Пятидесятницы⁸.

После крещения Киприан начал проводить жизнь строго добродетельную. Он являл собою всем пример нестяжательности, ибо, сострадая нищим и бедным он благотворил им, раздавая все, что имел. Главнейшими занятиями святого Киприана после крещения были молитва и чтение Священного Писания.

Оказывая дела милости и благотворя всем нуждающимся, Киприан не мог не питать особенной любви и благодарности к наставнику своему, пресвитеру Цецилию, открывшему ему тайны веры христианской и способствовавшему обращению его в христианство. И пресвитер Цецилий, видя в Киприане столько преданности и расположения к себе, пред смертью своею, кроме него, не нашел никого иного, кому мог бы с большею уверенностью и надеждою поручить попечение и заботы над оставшимся семейством своим.

По обращении в христианство Киприан жил в одном доме с Цецилием, ибо отдал все имения свои бедным; при этом и тот и другой, и Киприан и Цецилий, проводили жизнь строго добродетельную.

Спустя год или немного более по крещении Киприан рукоположен был в сан пресвитера Церкви карфагенской.

В сане пресвитера святой Киприан еще с большим усердием начал подвизаться во благочестии. По свидетельству диакона Понтия⁹, Киприан в сане пресвитера сделал многое по подражанию древним праведникам и сам стал достойным подражания.

В скором времени после сего умер епископ Карфагенский Донат. На освободившуюся епископскую кафедру всем народом единогласно был избран святой Киприан. Таким образом в сане пресвитера Киприан пробыл не более года.

Киприан первоначально отказывался от такой чести, считая себя недостойным принять столь высокое служение. Он говорил, что были пресвитеры, старейшие его возрастом и

более достойные его. Но народ, любивший своего доброго пастыря, настоятельно требовал поставления в сан епископа святого Киприана. Когда наступило время, назначенное для рукоположения, христиане окружили дом, в котором был Киприан, и не хотели оставлять занятых ими входов и выходов до тех пор, пока Киприан не согласился идти с христианами в храм. При всем своем высоком смирении, Киприан должен был уступить любви братии, пришел в храм и, к радости всех, был рукоположен во епископа.

Таким образом святой Киприан был поставлен, подобно светильнику, на свещник, дабы светить миру своими добродетелями¹⁰.

В сане епископа Киприан обратил свое внимание прежде всего на благоустройство церковное. Следует заметить, что в то время было немало христиан, которые только именовали себя христианами, а в действительности проводили жизнь, недостойную истинного христианина. Так как гонения от язычников на христиан прекратились уже давно, и Церковь наслаждалась почти сорокалетним миром, то некоторые христиане легкомысленно позволяли себе отступления от строгих христианских обычаев. Вот как сам Киприан описывает нравственные недостатки его времени:

"Каждый заботился об умножении собственности. В иереях не было ожидаемого по их обету благочестия, в служителях (клириках) не было чистой веры, в делах - милосердия, в нравах - благоустройства¹¹. Многие христиане не хранили твердо истин веры Христовой и отступали от Христа. Допускались часто безрассудные клятвы, презрение и непослушание предстоятелям, злословие и взаимная вражда"¹².

Ввиду всего этого святому Киприану в сане епископа пришлось весьма много потрудиться на пользу внутреннего благоустройства Церкви.

В скором же времени по поставлении в сан епископа святой Киприан приступил к искоренению вкравшихся в жизнь христиан беспорядков.

Киприан обратил свое внимание прежде всего на клир, на самих пастырей Церкви, которые являлись руководителями народа. Киприан не допускал никого даже к низшим степеням служения в клире без предварительного тщательного исследования о способностях и поведении каждого; он требовал известной подготовки от лиц, желавших выступить на служение Церкви; самое испытание в знании христианского учения Киприан производил в присутствии пресвитеров, как это известно относительно Оптана, коего Киприан в начале своего епископства назначил учителем оглашенных.

Вместе с тем Киприан заботился и об исправлении нравов и среди христиан. Диакон Понтий в таких словах говорит о епископском служении святого Киприана: "Какое у него было благочестие! Какая бдительность! Какое милосердие! Какая строгость! Столько святости и благодати изливалось из уст его, что он приводил в изумление всех, видевших его".

Наружным видом своим святой Киприан был честен, лицом благообразен, ибо таившаяся внутри души его святость отображалась и на лицо его. Как мудрость, по слову Екклесиаста, так и святость украшает лик человека (Еккл 8:1); в сем же человеке Божиим - святом Киприане - было и то и другое: он был и мудр, и свят. Одежды носил он ни слишком богатые, ни слишком убогие, ибо святой избегал гордости и превозношения, но не желал подвергать бесчестию и сан архиерейский. Характер его был весьма сдержан: он был ни слишком суров, ни слишком мягок и кроток сверх меры; где нужно было наказать, там он, хотя и милостиво, являл гнев свой, почему был всеми уважаем и почитаем. Кроме сего, святой Киприан являл великое милосердие и сострадание ко всем обиженным и бедствующим: он был помощником сиротам, странникам, нищим и больным.

В своих архипастырских распоряжениях и действиях святой Киприан проявил столько рассудительности и мудрости, что его совета искали и предстоятели других Церквей.

Так, например, Рогациан, епископ Новский, просил совета у святого Киприана по поводу оскорбления, причиненного ему неким диаконом. Киприан отвечал:

- Если диакон и впредь будет ослушиваться тебя и оскорблять тебя, ты можешь, по праву своей власти, или лишить его сана, или отлучить от общения; однако, - прибавлял он, - мы более желаем, чтобы ты прикрывал обиды и оскорбления кротким терпением, нежели наказывал священной властью.

Другой епископ, Евкратий, спрашивал Киприана:

- Должно ли допускать до общения церковного лицедея, который и после того, как сделался христианином, обучал молодых людей тому искусству, каким занимался в язычестве?

Киприан отвечал на это:

- Бедность не может извинить сего лицедея (ныне христианина); он может содержаться церковными приношениями, если только пожелает довольствоваться содержанием более умеренным, но без греха. Посему убеди его довольствоваться церковным содержанием: если же у вас церковные приношения недостаточны для пропитания трудящихся, то пусть он придет к нам, и от нас получит необходимое для питания и одеяния.

Много и других советов давал святой Киприан всем, вопрошавшим его, ибо не желал утаивать своей мудрости и разумения, но старался быть полезным всем.

По изволению Божию святой Киприан провел немного лет в мирном управлении своей епархией. В скором времени по занятии Киприаном епископского престола над Церковью, подобно буре, разразилось гонение Декия¹³. Вскоре же после вступления на престол сей нечестивый император издал указ, по которому все христиане принуждались к принятию языческой религии и к принесению жертв богам.

Задолго еще до начала сего гонения Киприан был извещен от Господа видением о сем бедствии, именно: Киприан видел старца, по правую сторону коего сидел юноша, исполненный некоторого смущения, негодования и печали, а по левую кто-то держал сеть и угрожал захватить ею стоящий кругом народ. Киприан удивился этому видению. Оно было объяснено ему в том смысле, что сидящий по правую сторону печалится и скорбит о том, что христиане не соблюдают Его заповедей, а находившийся по левую сторону радуется тому, что открывается случай и дается дозволение излить на народ ярость свою. Святой Киприан понял, что лицами, представившимися ему в видении, были Бог Отец, Господь наш Иисус Христос и исконный враг мира - диавол.

Этим гонением христиане были подвергнуты испытанию, как золото в огне, дабы тем ярче и сильнее был явлен всюду блеск добродетелей христианских.

Когда в Карфаген прибыл указ императора, язычники хотели подвергнуть мучению прежде всего Киприана. Его, как более известного своими добродетелями и своим влиянием на христиан, язычники намеревались ранее всего предать мучениям, дабы тем устрашить остальных христиан. Но так как время подвигов святого Киприана еще не наступило, то он решил удалиться на время из Карфагена, дабы своими увещаниями и наставлениями из неизвестного язычникам места поддерживать веру христиан и побуждать их твердо исповедывать имя Христово. Решив удалиться на время из Карфагена, Киприан написал своим пресвитерам и диаконам, а также и предстоятелям Церкви римской, послание. В этом послании Киприан сообщал, что он удаляется из Карфагена для того, чтобы его присутствие не усилило еще более ярости гонения, что, хотя и отсутствуя от своей паствы телесно, он

присутствует с нею в Господе, что он написал тринадцать посланий для утешения сильных, ободрения слабых, для устранения разного рода нестроений в церковной внутренней жизни и для успокоения душ колеблющихся.

Киприан так объяснял свой поступок: "Первая степень победы состоит в том, чтобы исповедывать Господа после взятия руками язычников. Вторая степень славы состоит в том, чтобы благоразумным удалением спасти себя для Господа. Одна есть - всенародное исповедание, другая - частное. Одна побеждает гражданского судию, другая - благоприятнее Богу, как Судии, ибо поддерживает чистую совесть в непорочности сердца. В одном случае обнаруживается более живая твердость, в другом - более уверенная осторожность. Один, когда приближается час его, оказывается уже созревшим для смерти, для другого, быть может, она отсрочена, - для того, например, который, оставив свое наследство, удалился по той именно причине, чтобы ему не отпасть, но несомненно исповедывал бы себя христианином, если бы и он был также взят (язычниками)".

Без сомнения, своим временным удалением Киприан оказал Церкви более высокую услугу, чем мог бы оказать ее сразу же принятым мученичеством.

Пред удалением своим святой Киприан разделил церковные деньги, бывшие доселе в его заведовании, между всеми клириками, оставшимися в Карфагене, для более удобного вспомоществования неимущим и бедным. Клер, с своей стороны, охотно сообщал своему епископу все сведения о состоянии его паствы и повиновался ему так же, как и в его личном присутствии. По справедливости можно сказать, что он один только и был способен управлять карфагенскою церковью в такое тяжелое время.

Его жизнеописатель, диакон Понтий, замечает: "Представим себе, что он (Киприан) тогда (т.е. тогда, когда бы не скрылся из Карфагена) удостоился мученической кончины... Кто бы научил падших покаянию, еретиков - истине, расколоучителей - единству, чад Божиих - сохранению мира и молитве?"

Святой Киприан находился, таким образом, в постоянном сношении с своею паствою и посылал неоднократные письма и сообщения пресвитерам, диаконам, мученикам и исповедникам. Первым он говорил, что прибудет к ним, как только Бог покажет ему, что такова Его воля. Он просил их иметь попечение о вдовах, больных, странниках и о всех неимущих. Хотя он и оставил для этой цели некоторую сумму денег, но, опасаясь, что, быть может, она уже вся истрачена, он отправил своего слугу Нарика с новым денежным приношением. Более всего заботился Киприан о том, чтобы христиане не пали духом среди бури огорчений. С не меньшею задушевностью писал святой Киприан также исповедникам и мученикам. Он укреплял их мужество, превозносил их верность; увещевал всех христиан смотреть за тем, чтобы должные почести оказывались телам мучеников после их смерти и чтобы им доставлялось всевозможное облегчение во время их страданий.

О святых исповедниках Киприан отзывался с великою похвалою. Он побуждал своих клириков заботиться о том, чтобы, как нет ни в чем недостатка в славе исповедников, так не было бы ни в чем недостатка и в помощи им, и просил, чтобы его извещали о днях их смерти, дабы он мог приносить в их воспоминание возношения и жертвы.

В первое время после удаления святого Киприана из Карфагена ярость язычников, преследовавших христиан, несколько ослабела. Но спустя некоторое время она усилилась еще более. Для принуждения христиан к отречению от исповедуемой ими веры, были придуманы язычниками различные жестокие пытки и мучения. Исповедников имени Христова и поражали бичами, и били прутьями, и раздирали железными орудиями, и жгли на огне. Темницы переполнились христианами; одни из заключенных в скором же времени

получали венцы победные, другие были близки к тому, чтобы получить сии венцы, ибо были воодушевлены тем же мужеством и с тою же ревностью стремились на подвиг брани. Но были и такие христиане, которые не выносили мучений и приносили жертвы, или курили ладан идолам, или за деньги покупали у градоначальников записки, в которых означалось, что они приносили жертвы идолам и отреклись от Христа, хотя этого не было на самом деле. Некоторые даже добровольно без всякого требования приносили жертвы богам языческим. Других языческие судии, с наступлением ночи, отпускали домой и не понуждали к жертвоприношению, но они сами просили дозволения принести жертвы в вечернее время, не отлагая их до другого дня. Много было и таких, которые склоняли друзей своих к отречению от веры христианской, какое совершали сами.

Горько и тяжело было святому Киприану слышать о падении слабых членов своей паствы! Падение их он называл отторжением части собственного сердца. Впоследствии писал он по сему поводу: "Скорблю, скорблю, братия, с вами, и болезнь моя не облегчается моею сохранностью и моим собственным здоровьем; как пастырь, я уязвлен ударом, нанесенным моему стаду. С каждым из вас соединено мое сердце, с каждым я болею и умираю! Ударами жестокого врага поражено и мое тело! И мою душу прошло оружие! Мое сердце, удаленное и свободное от гонения, не осталось в покое; любовь поразила меня, когда поражены мои братья"¹⁴.

Около этого времени случилось еще одно обстоятельство, причинившее немало огорчений святому Киприану.

Необходимо заметить, что в древности в церкви карфагенской, как и в других церквях, среди исповедников было в обычае давать отпавшим особого рода ходатайственные записки, или "письма мира", по которым согрешившие были скорее допускаемы в общение с верными. И теперь многие из отпавших от Христа возлагали большую надежду на ходатайство исповедников и мучеников. Но при этом многие исповедники, по излишней снисходительности к падшим, не обращали внимания на свойство их покаяния и давали эти ходатайственные записки ("письма мира") без надлежащего рассмотрения и осторожности. Только немногие исповедники просили епископа даровать мир некоторым падшим по окончании гонения, по возвращении самого епископа и по тщательном исследовании нравственного состояния падших. Такая снисходительность к падшим оказывалась в то время, когда гонение еще свирепствовало в Карфагене; следовательно, эта снисходительность могла ослабить твердость в вере и прочих христиан, еще не подвергшихся гонению.

Когда святой Киприан узнал обо всем этом, то отправил в Карфаген три письма к клиру, исповедникам и народу; и так как главными нарушителями древнего церковного благочиния оказались пресвитеры, то Киприан во всех этих письмах обличал их более всего; всех вообще - и клир, и народ - Киприан убеждал ожидать соборного рассуждения о принятии падших в Церковь, а самый собор обещал созвать по окончании гонения и по возвращении своем в Карфаген. Исповедников Киприан просил обращать особенное внимание на дела и заслуги, на род и качества грехопадения каждого, из числа тех, за кого они будут предлагать свое ходатайство.

Но все эти письма святого Киприана не имели полного успеха. Правда, пресвитеры, послушные своему пастырю, перестали допускать падших к общению в Церкви наравне с верными и увещевали их прежде всего заглаживать свой грех искренним покаянием; но некоторые из падших и после сего не пожелали принести покаяния, не хотели ожидать

решения своего дела до окончания гонения, а требовал и себе немедленно разрешения грехов.

Однако святой Киприан не ослабил своих требований и после известия о таковом непослушании со стороны некоторых падших христиан.

Охраняя с такою твердостью благочиние церковное, святой Киприан из места своего удаления открыл еще переписку с соседственными епископами для того, чтобы их согласием еще более подтвердить свое требование покаяния от падших. В ответ на его письма епископы сообщали, что они вполне одобряли его требования и писали ему, что ни в каком случае не следует ему отступать от своего постановления до собора, имеющего быть по окончании гонения.

В то время как соседние епископы открыто подтвердили и одобрили требования святого Киприана относительно падших, исповедники объявили свое несогласие с ним. Один из них, Лукиан, от имени всех, написал к Киприану письмо, в котором он уведомлял Киприана, что все исповедники даровали мир падшим; этот же Лукиан написал подобное письмо и римскому исповеднику Целерину.

Ободренные таким покровительством исповедников, падшие в нескольких городах Африканской провинции произвели возмущение против предстоятелей и с угрозами требовали у них себе мира, уже дарованного, как уверяли они, исповедниками и мучениками. В самом Карфагене беспокойные миряне после сего с большою дерзостью начали требовать себе примирения с Церковью.

Между тем святой Киприан увещевал клир и народ поступать так, как ему было предписано ранее.

Ввиду сего более благонамеренные из падших совершенно смирились и обещали полное послушание епископу. В скором времени после сего некоторые из них уже писали святому Киприану, что они сознают свое грехопадение, совершают предписанное церковными правилами покаяние, не желают поспешного и неблагоприятного примирения с верными, но ожидают возвращения своего епископа, говоря, что самое примирение в его присутствии будет для них приятнее.

В скором времени после сего Киприану было открыто в видении, что скоро восстановится мир в Церкви, что только для некоторых еще, на непродолжительное время, продлится гонение и что по мере усердия в молитве может последовать ускорение мира.

И действительно, видение святого Киприана стало оправдываться самыми событиями. Гонение на христиан в Карфагене хотя еще продолжалось, но ослабевало; язычники начали позволять исповедникам имени Христова пользоваться все большею и большею свободою. Заключение в темницах выходило на свободу, а сосланные на заточение, возвращались в отечество.

Однако гонение еще не окончилось. Еще много забот и беспокойств предстояло славному архипастырю, святому Киприану. За время отсутствия Киприана в Карфагене явилась потребность в пресвитерах и клириках. Киприан избрал себе как бы четырех наместников, которым и поручил тщательно распознавать лета, состояние и заслуги тех лиц, которые имели быть произведены Киприаном в ту или другую иерархическую степень. Наместниками сими были избраны два епископа ближайших к Карфагену епархий - Калдоний и Геркулан, затем Рогациан, карфагенский пресвитер и исповедник, и клирик Нумидик.

Упомянутые лица тотчас же приступили к исполнению требований своего епископа. Но исполняя порученное им дело, они встретили сильное противодействие со стороны тех лиц,

которым не нравилась столь законная и необходимая попечительность Киприана о выборе достойных служителей Церкви. Таким человеком явился некто Фелициссим, мирянин, и пресвитер Новат; к ним присоединились еще четыре пресвитера, опасавшиеся справедливого суда Киприана над собою. Они, и особенно пресвитер Новат, побудили Фелициссима открыть восстание против своего епископа.

Когда все это стало известно Киприану, он произнес отлучение на Фелициссима и угрожал подвергнуть такому же наказанию и всех его сообщников, а самое письмо, которое Киприан писал по сему случаю, он повелел прочитать народу и переслать в Карфаген к клиру. Пока оказалось только шесть ярых приверженцев Фелициссима, которые тогда же были отлучены от Церкви; но так как нашлись новые сторонники Фелициссима, то возмущение, произведенное им, еще не было устранено.

Киприан намеревался возвратиться в Карфаген к празднику Пасхи, но ввиду того, что возмущение Фелициссима и его сторонников еще не окончилось, он, не желая увеличивать смятения своим появлением, решил провести праздник Пасхи на месте своего удаления; а чтобы в отсутствие его враги не приобрели еще большего успеха, он письменно увещевал свою паству не доверять пагубным словам возмутителей.

Глубоко страдал святой Киприан в это время за свою паству. Его скорбь выразилась в письме, написанном по сему случаю:

"Как я мучусь теперь, - писал он карфагенским христианам, - что не могу сам придти к вам и лично увещевать каждого из вас, по учению Господа и Его Евангелия. Мало было для меня уже двухгодичного изгнания и горького разлучения с вами; мало было скорби и печали, которая постоянно мучила меня без вас; мало было слез, днем и ночью проливаемых о том, что пастырю, которого вы избрали с такою любовью и горячностью, нельзя лично приветствовать вас, ни быть в ваших объятиях. Для истязающего от печали сердца нашего наступила еще большая скорбь. При таком беспокойстве и нужде я сам не могу в скорости придти к вам... Но зато отсюда убеждаю и прошу вас, любезные братия: не доверяйте пагубным речам, не внимайте легковерно обманчивым словам, не избирайте вместо света - тьму, вместо дня - ночь, вместо пищи - голод, вместо питья - жажду, вместо лекарства - яд, вместо здоровья - смерть... Не принесут нам мира те, которые сами не имеют мира... Никто да не отклонит вас от путей Господних. Пусть погибают одни те, которые захотели своей гибели; пусть остаются вне Церкви одни те, которые отделились от Церкви; пусть одни те не будут с епископами, которые возмутились против епископов... Прошу вас: отделитесь от таковых, послушайтесь моих советов. Я каждодневно изливаю за вас постоянные молитвы пред Господом; я желаю воссоединить вас с Церковью; я только прошу у Бога прежде мира Матери (Церкви), а потом уже ее чадам. Соедините с моими молитвами и молениями ваши молитвы, с моим плачем ваши слезы"¹⁵.

Увещевая так трогательно тех, которые могли понять в его словах голос отеческой любви, святой Киприан угрожал наказанием - отлучением от Церкви - тем, которые не захотели бы повиноваться ему.

Письмо это, конечно, удержало благонамеренных на стороне епископа.

Вскоре после сего, когда Новат при посредстве своих сообщников без согласия и ведома святого Киприана, произвел Фелициссима в диакона, Киприан написал еще два письма к клиру и народу о сем незаконном посвящении. Это были последние письма из места его удаления. Возмущению Фелициссима был положен конец уже на соборе, происходившем, по возвращении Киприана, в Карфагене¹⁶.

Вскоре же после возвращения в Карфаген Киприан председательствовал на сем соборе, который подверг рассмотрению два вопроса: о расколе Фелициссима и о допущении падших к общению с верными.

Отцы собора после многих и долгих рассуждений единодушно постановили, что падшим не должно отказывать в общении с Церковью, чтобы они не отчаялись в милосердии Божиим и не стали жить по-язычески, но что и не должно преждевременно допускать их к общению - что соединению их с Церковью должны предшествовать продолжительное покаяние, молитва Богу, соединенная со слезами, и исследование нравственного состояния каждого из них. При этом по различию падших были назначены и различные степени покаяния. Фелициссим же и его единомышленники, как возмущившиеся против власти епископа, были отлучены от Церкви.

Однако враги Киприана не успокоились. Пресвитер Новат вскоре отправился в Рим и здесь, изменив Филициссиму, присоединился к партии Новациана¹⁷, вследствие чего произвел многие смуты как в римской, так и в карфагенской церквях. Фелициссим же вместе со своими единомышленниками через год произвел новое возмущение против святителя Божия Киприана.

Новациан начал распространять в Риме лжеучение, утверждая, что падших ни в каком случае не следует принимать в общение, хотя бы они и приносили покаяние; вместе с тем, Новациан сделал попытку предвосхитить честь епископства у законно избранного в епископы пресвитера римского Корнилия. Благодаря содействию Новата, прибывшего в Рим, Новациану удалось побудить трех италийских епископов к совершению над ним рукоположения во епископа.

Святой Киприан с истинно христианскою мудростью старался пресечь в самом корне все церковные раздоры и волнения. Киприан известил окружным посланием африканских епископов о законном поставлении во епископы Корнилия и о незаконных действиях Новациана. Святитель Божий не переставал внушать всем ту истину, что там, где законно избран и рукоположен один епископ, нельзя поставлять другого епископа, и убеждал возмутителей мира церковного оставить губительный раздор и споры и возвратиться в лоно единой истинной Церкви вселенской. Для предохранения же верующих от соблазна расколоучителей Новациана и Фелициссима, святой Киприан написал книгу "О единстве Церкви".

Испытания Киприана этим еще не окончились. Нашлись люди, которые продолжали сеять в Церкви плевелы раздора и возмущения. Так, некий еретик Приват, присоединившись к партии Фелициссима, добился незаконного поставления во епископа карфагенского Фортуната. Однако после увещаний Киприана сторонники Фортуната начали оставлять его и возвратились к миру церковному.

Дабы окончательно устранить все раздоры и несогласия, порождаемые врагами мира церковного, святитель Божий Киприан решил созвать поместный собор в Карфагене. Таких соборов в Карфагене было несколько. На сем соборе были решены многие вопросы, касавшиеся внутренней церковной жизни, как например, о принятии падших, о крещении еретиков и т. п. Мало-помалу возмущение, произведенное в жизни церковной непокорными членами Церкви, утихло, и в Церкви водворялись мир и тишина.

Господу благоугодно было посетить святого Киприана еще новым испытанием: на смену бедствий от гонения со стороны язычников, появилось бедствие стихийное - моровая язва.

Неожиданно разразившееся бедствие было одинаково тяжело как для христиан, так и для язычников. Моровая язва без перерыва значительное время свирепствовала в каждой провинции, в каждом городе и почти в каждом семействе.

Общее бедствие вызвало Киприана на самую самоотверженную и благородную деятельность. В то время как язычники только еще более укреплялись в своем себялюбии, в то время как они, по-видимому, всецело предались страху, который заставлял их покидать самых дорогих своих родственников и оставлять мертвых непохороненными на улицах, христиане, руководимые Киприаном, оставались непоколебимыми. Сам Киприан не ограничился увещаниями, а своим личным примером подавал образец для подражания всем христианам.

Язва сопровождалась своими обычными страшными спутниками - засухой и голодом; кроме того, по границам Римской империи бродили орды варваров-нумидийцев и делали нашествия, во время которых они уводили много пленных; христиане карфагенские, руководимые святым Киприаном, жертвовали деньги на выкуп хотя бы некоторых из числа этих пленников.

Таким образом, во время страшного бедствия общественного Киприан принял все меры к тому, чтобы всячески облегчить участь страждущих.

Несмотря на это, среди язычников находились люди, которые осмеливались утверждать, что язва, как и прочие бедствия общественные, была послана богами языческими за непоклонение им христиан. Такие слухи распространял особенно некто Димитриан, один из судей карфагенских. Вслед за ним и другие язычники повторяли эту клевету на христиан.

Святой Киприан опроверг это заблуждение, написав особое сочинение по сему поводу. "Бедствия мира, - писал он Димитриану и всем тем, кто разделял его мысли, - имеют свою причину в развращении людей; эти бедствия предсказаны пророками, как наказания за пороки, которые особенно распространены среди язычников и которые сами по себе всегда разрушают благосостояние народов, как и отдельных лиц. Языческие боги, - рассуждал Киприан, - не могут сами защищать себя, и тем явно доказывают свою зависимость от христиан, когда изгоняются из людей христианами¹⁸; мы, христиане, - рассуждал святой Киприан, - хотя также подвергаемся внешним бедствиям, но при безропотном перенесении их и надежде на будущую жизнь, мы не страдаем от несчастий".

Между тем приближалось время страданий святого Киприана. На престол вступил император Валериан¹⁹, который воздвиг жестокое гонение на христиан.

Весть о новом гонении на христиан скоро достигла и до церкви африканской и, как обыкновенно, сколько устрашала малодушных, столько же воспламеняла к мужественному терпению твердых в вере. "О чем лучше и более нам должно заботиться, как не о том, чтобы непрестанными увещаниями приготовить вверенный нам народ против стрел диавола", - писал тогда святой Киприан Фортунату, епископу Туккаборскому. Но кроме устных и письменных увещаний, святой Киприан и самым делом подал пример небоязненного исповедания своей веры пред язычниками.

После того как было объявлено гонение на христиан, проконсул карфагенский, Аспазий Патерн, получил указ императора, который предписывал принуждать христиан к поклонению идолам; при этом епископы христианские подлежали изгнанию, а христианские собрания запрещались. Проконсул намеревался прежде всего принудить к отречению от веры христианской святого Киприана, а посему прежде всего призвал его к допросу.

Когда Киприан пришел, Проконсул спросил его:

- Император приказал мне принудить всех христиан поклониться идолам: ты что скажешь относительно этого?

Святой Киприан отвечал:

- Я - христианин и епископ христианский; я не знаю иных богов, кроме Единого Истинного Бога, сотворившего небо, и землю, и море, и все, что находится в них; сему Богу мы, христиане, служим днем и ночью.

Проконсул сказал:

- Так ты будешь упорствовать в своем решении?

Киприан ответил на это:

- Благое решение, ведомое Господу, должно оставаться неизменным. Проконсул сказал:

- В таком случае ты, согласно приказанию императора, должен отправиться на заточение. Киприан ответил проконсулу:

- Я охотно пойду на заточение.

После сего проконсул спросил еще Киприана:

- Я имею приказание от императора не только относительно епископов, но и относительно иереев; посему, скажи мне, какие иереи находятся в сем городе?

На это Киприан отвечал:

- Вашими законами запрещены доношения (доносы); посему я не могу открыть и объявить тебе иереев, но если будешь искать их, то, конечно, найдешь в городе.

Проконсул сказал еще:

- Мне поручено еще смотреть, чтобы у христиан нигде не было своих собраний и чтобы они нигде не отправляли своих служений.

Святой Киприан ответил проконсулу:

- Поступай, как тебе приказано.

В скором времени после сего святой Киприан был отправлен в ссылку в Курубис²⁰. Диакон Понтий, описавший жизнь святого Киприана, добровольно сопровождал его к месту заточения.

В первый же день по прибытии сюда святой Киприан имел ночью видение, предзнаменовавшее его мученическую кончину. О сем видении Киприан рассказал диакону Понтию, поведав следующее:

"Едва лишь я слегка задремал, я увидел некоего юношу, некрасивого и неблагообразного, который ввел меня в преторию на суд; мне казалось, что я должен был предстать суду игемону. Игемон, посмотрев на меня, ничего мне не сказал, но тотчас написал что-то. Я не знал, что он написал; но я увидел иного юношу, благообразного лицом, стоявшего сзади игемона; сей юноша смотрел, как писал игемон, и читал про себя написанное игемоном. Прочитав написанное, юноша тот знаком руки дал мне понять, что там был написан относительно меня суд смертный, ибо мне надлежало быть усеченным мечом. С своей стороны и я знаком руки дал понять юноше, что я понял то, что он объяснял мне; при этом я начал со усердием просить судию того дать мне еще один день жизни, чтобы я мог устроить все свои дела. В то время как я просил об этом судию, сей последний, ничего не отвечая мне, но как бы в ответ на мою просьбу начал что-то писать. Юноша, стоявший сзади судии, следя за тем, что писал судия, знаком руки объяснил мне, что моя жизнь будет продолжена еще на один день. Я очень обрадовался этому; однако находился в великом страхе и смущении".

Это видение святой Киприан истолковывал относительно себя в том смысле, что ему было предопределено Богом умереть от усечения мечом за исповедание имени Христова.

Один день жизни, дарованный ему, согласно сему видению, Киприан истолковал как один год. И действительно он скончался мученически за исповедание имени Христова, будучи усечен мечом, спустя год после того видения.

Находясь в изгнании, святой Киприан все время проводил в богомыслии, приутопляясь к смерти. В заточении Киприан написал много богомудрых творений; всех, кто приходил к нему для душеспасительной беседы, он поучал, прося всех быть твердыми в вере, не страшиться угроз мучителей и страданий за исповедание имени Христова; он увещевал христиан не привязываться к временным и скоропреходящим утехам жизни сей, но искать жизни вечной.

Пребывая в изгнании, святой Киприан терпеливо переносил все лишения ради имени Христова, вменяя заточение в родное отечество свое. Ибо для христианина, возложившего все упование свое на Бога, отечество и родной дом является странствованием, согласно сказанному: странник я у Тебя и пришелец, как и все отцы мои (Пс 38:13); с другой стороны, для такого христианина отечеством является и место изгнания и странствования, ибо на всяком месте он видит присутствующего близ себя Бога, согласно сказанному: всегда видел я пред собою Господа (Пс 15:8).

Прошел еще год, и на место упомянутого выше Аспазия Штерна проконсулом назначен был Галерий Максим. В это время император Валериан издал еще более жестокий указ о преследовании христиан, именно: Валериан требовал, чтобы все христианские епископы, пресвитеры и вообще все руководители христиан

были лишены своих должностей и имущества, а в случае дальнейшего пребывания в христианстве должны быть преданы смерти.

Повеление императора стало известным в Африке тогда, когда проконсул Галерий Максим отлучился в местечко Утику, куда было сослано из разных мест множество христиан. Проконсул хотел здесь же начать преследование христиан и сюда приказал своим воинам привести святого Киприана.

Всегда готовый с полным спокойствием и бесстрашием принять мученическую кончину, святой Киприан считал, однако, приличным и полезным совершить подвиг мученичества среди своей паствы. Рассуждая так и вместе следуя совету друзей своих, которые уведомили его об отправлении за ним стражи, Киприан скрылся на время в одно неизвестное место, но только до возвращения проконсула в Карфаген. А дабы это временное уклонение не подвергалось нареканию, Киприан написал к клиру и народу письмо, в котором объяснял причину своего удаления; в этом же письме Киприан в последний раз преподавал наставления клиру и пастве.

Едва лишь проконсул Галерий Максим прибыл в Карфаген, сейчас же Киприан вышел из места своего уединения. Вскоре после сего проконсул послал двух честных мужей, приказав им взять Киприана. Киприан мужественно исшел на мученический подвиг и отправился вместе с упомянутыми двумя мужами в колеснице к проконсулу. Но так как, по приказанию проконсула, суд над святителем Божиим был отложен до следующего дня, то Киприан отведен был на ночь в дом одного из тех мужей, которые были посланы проконсулом для взятия Киприана. Здесь святитель провел последнюю ночь, причем, по состраданию и доверию к нему, он был оставлен почти без стражи.

Между тем по городу распространился слух, что епископ Киприан возвращен из заточения для того, чтобы воспринять смерть мученическую; и тотчас устремились христиане к тому дому, в котором пребывал Киприан, желая видеть в последний раз своего пастыря и учителя. При этом христиане явили по отношению к святому Киприану еще более

любви и преданности, нежели как это было при избрании его в епископы. Они не хотели расстаться со своим любимым архипастырем до самой кончины его, и потому всю ночь провели без сна пред дверями его дома. Поступили же так христиане не потому, чтобы хотели освободить святого Киприана из рук и власти язычников, но для того, чтобы сподобиться от него, как отца своего духовного, последнего благословения.

Утром следующего дня Киприан был выведен из того дома и представлен проконсулу для допроса.

Проконсул спросил Киприана:

- Ты ли Киприан?

Киприан ответил:

- Да, это я.

Проконсул сказал затем:

- Это ты в качестве епископа стоишь во главе тех безумных людей, которые именуют себя христианами?

Киприан ответил:

- Да, я епископ людей Христовых.

Проконсул продолжил допрос, сказав:

- Благочестивейшие и славные императоры повелевают тебе принести жертву богам.

На это Киприан ответил:

- Ни в каком случае я не сделаю сего.

Проконсул сказал:

- Поразмысли хорошенько и избери то, что ты находишь более полезным для себя.

На это святитель Божий ответил:

- Поступай так, как тебе предписано. Что же касается меня, то в столь ясном для меня деле я не вижу необходимости в размышлении.

После сего проконсул посоветовался с прочими судьями, бывшими при допросе и, упрекнув Киприана за непочитание идолов, произнес решительный приговор об усекновении его мечом, сказав так:

- Киприан, епископ христианский, должен быть усечен мечом.

Святитель же Христов, услышав такой приговор себе, возрадовался и сказал во всеуслышание:

- Благодарите Господу!

Народ, видевший все происходившее, обратившись к проконсулу, начал взывать:

- И мы хотим умереть с ним!

И было великое смятение в народе.

Между тем Киприан был отведен на место казни. Сюда же последовали за святителем Божиим и христиане, проливавшие слезы при виде пастыря, ведомого на смерть.

Придя к назначенному месту, святитель Божий снял с себя верхнюю одежду, преклонил колена и начал молиться Богу. Помолившись достаточное время, священномученик Христов преподавал всем мир и благословение и приказал своим друзьям дать палачу двадцать пять златниц, совершая и при смерти благодеяние; затем, завязал себе убрисом (полотенцем) глаза, а руки отдал связать стоявшим подле него пресвитеру и иподиакону. Между тем некоторые из христиан постилали пред святителем платки и убрусы, дабы воспринять на них кровь священномученика Христова, как некое драгоценное сокровище. Наконец, святитель Божий преклонил главу свою и был усечен мечом.

Так окончил жизнь свою святитель Божий, пострадав во славу Христа, Бога нашего²¹.

Честное тело святителя Христова было перенесено ночью со свечами и приличным пением на частное кладбище некоего прокуратора Макровия Кандидиана, и здесь предано погребению. Впоследствии, при короле Карле Великом, мощи священномученика Киприана были перенесены во Францию, в город Арль, а при короле Карле Лысом - в город Компьень, в монастырь святого Корнелия.

Нечестивые же мучители не остались без наказания; в скором времени их постиг справедливый суд Божий.

Спустя несколько дней после мученической кончины святого Киприана, по суду Божию, изъят был из числа живых проконсул Галерий Максим. Император же Валерий, преследовавший с жестокостью христиан, потерпел жестокое поражение в войне с персами и погиб в темнице, будучи захвачен врагами.

Святой Киприан оставил после себя весьма много сочинений, в которых он раскрывал как вероучительные, так и нравоучительные истины. Большая часть их состоит из писем (всего Киприаном написано около 80 писем); кроме того, Киприан написал много отдельных трактатов или сочинений. Предметами сочинений его были: пастырь Церкви и девственники, страждущее и падшие, язычники и иудеи, еретики и расколоучители. Для пастырей Церкви Киприаном написана "Книга о ревности и зависти" - плод истинно-апостольского духа - с постановлениями о том, как надобно поступать для мира и пользы Церкви. Для девственников - "Книга о поведении девственниц". Любовь к страждущим побудила святого Киприана написать три замечательные сочинения: "О высоте терпения", "О милосердии" и "О смертности". "Книга о падших" содержит в себе назидательные рассуждения о покаянии. К числу защитительных сочинений святого Киприана, в которых он отстаивал христианство против нападок язычников, принадлежат "Книга к Деметриану" и "О тщете идолов". "Три книги свидетельств против иудеев" заключают в себе род краткого начертания веры и деятельности христианской и обличение упорствовавших иудеев. В обличение ересей и расколов Киприаном написана "Книга о единстве Церкви" и "Книга к Донату о крещении". В сочинении "К Фортунату: об увещании к мученичеству" Киприан призывает всех вообще христиан к твердости духа при перенесении гонений. Святой Киприан оставил много и иных славных писаний. По замечанию блаженного Иеронима, писания Киприана были известнее самого солнца; из его творений отцы ефесского и халкидонского Вселенских соборов²² приводили свидетельства для защищения веры христианской от нападок еретиков и для обличения их неправомыслия.

Более обстоятельно и подробно в творениях святого Киприана выражено учение о Церкви. В кратких словах рассуждения святого Киприана по этому вопросу состояли в следующем:

Церковь есть Господом Иисусом Христом основанное и апостолами устроенное и утвержденное общество людей, представляющее как по своей внутренней, так и внешней стороне, единое целое, возглавленное Единою главою Господом нашим Иисусом Христом. Как внутреннее единство Церкви обуславливается единством веры и любви, так внешнее ее единство обуславливается иерархией (и в ней преимущественно властью епископа) и таинствами церковными. Вне этой единой истинной и спасительной Церкви, по рассуждению святого Киприана, нет и не может быть спасения; только эта единая Церковь и есть Церковь истинно апостольская, и, следовательно, непогрешимая. "Мы следуем, - рассуждает святой Киприан, - тому, что приняли от апостолов, а они предали нам Церковь только одну. Одна только Церковь, получившая благодать жизни, и живет во веки и

животворит народ Божий"²³. В этой именно единой истинной Церкви, получившей благодать жизни, сосредоточены все божественные блага, и в ней только одной возможно спасение. "Что Церковь единственна, - рассуждает Святой Киприан, - это возвещает и Дух Святой в Песни Песней, говоря от Лица Иисуса Христа: единственная - она, голубица моя, чистая моя; единственная она у матери своей, отмеченная у родительницы своей (Гл. 6, ст. 8); и о ней же опять говорит: запертый сад - сестра моя, невеста, заключенный колодезь, колодезь живых вод (4, 12 и 15). А если невеста Христова, которая есть Церковь, есть "вертоград заключенный", то заключенного нельзя открывать чужим и сторонним. Если она "источник запечатлен", то ни пить из него, ни запечатлеваться им не может тот, кто, находясь вне, не имеет доступа к источнику. Если Церковь есть единственный кладезь воды живой, то находящийся вне Церкви не может освящаться и оживляться тою водою, употребление и питье которой даруется находящимся внутри Церкви. Господь громко зовет, чтобы всякий жаждущий шел и пил от источника воды живой, истекшего от Него. Куда же должен идти жаждущий? К еретикам ли, у коих вовсе нет ни источника, ни реки животворящей воды, или же к Церкви, которая одна и по слову Господа основана на одном, приравшем и ключи ее? Она одна хранит и обладает всею властью своего Жениха и Господа, Истинная, спасительная и святая вода Церкви не может ни испортиться, ни оскверниться, так как и сама Церковь нерастленна, чиста и целомудренна"²⁴.

В Церкви Христовой заключена вся полнота жизни и спасения. Как во время потопа спасение было возможно только в ковчеге Ноя, или, при разрушении Иерихона, только в доме Раави (Нав 2), так равно и Церковь есть единственное место спасения людей, "Дом Божий один, - рассуждает святой Киприан, - и никто не может где-либо спастись, как только в Церкви. Пусть и не воображают, что можно наследовать жизнь и спасение, не повинаясь епископам и священникам"²⁵.

Находящиеся вне Церкви, отделяющиеся от ее единства и общения с нею, не имеют истинной жизни. "Явно, - замечает святой Киприан, - что между мертвецами считаются те, кои не суть в Церкви Христовой, и что не может оживотворить другого тот, кто сам не живет"²⁶.

Но одна вера, без любви, не может быть вполне крепким и прочным связующим звеном всех членов Церкви. "Мало того, - рассуждает святой Киприан, - чтобы получить что-нибудь; больше значит - уметь сохранить полученное. Самая вера и спасительное возрождение животворны не потому, что мы их получили, а главным образом, потому, что мы их сохранили"²⁷. Только искренняя живая и деятельная вера, соединенная с любовью, дает человеку право вступить в живой союз как со Христом, так и со всем христианским братством: где нет той или другой, там нет и жизни со Христом, там нет, следовательно, и спасения.

Любовь составляет, - по рассуждению святого Киприана, основу всех добродетелей. "Любовь, - рассуждает святой Киприан, - есть союз братства, основание мира, крепость и утверждение единства;... она предшествует благотворению и мученичеству, она вечно пребудет вместе с нами у Бога в Царстве Небесном"²⁸.

Много и других душеспасительных истин раскрывает святой Киприан в своих сочинениях, во славу Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Аминь.

1 Киприан родился, как полагают, около 200 г.

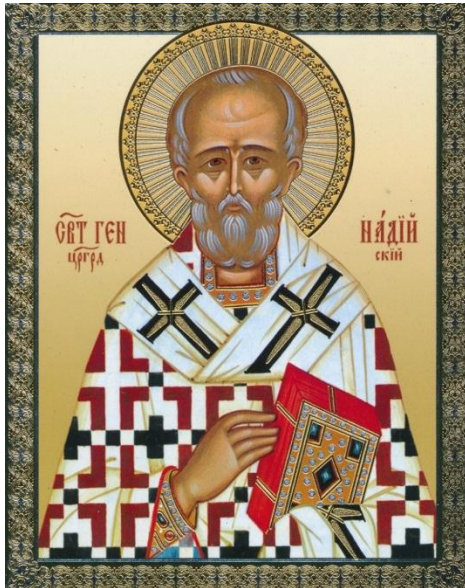
2 "Письмо к Донату", гл 4.

3 Временем обращения Киприана в христианство считают обыкновенно 246-й г.

4 Киприан был знаком с "Апологией" Тертуллиана.

- 5 "Письмо к Донату", гл. 3 и 4.
- 6 Оглашение - изустное наставление в истинах веры христианской.
- 7 "Письмо к Донату", гл. 4 и 5.
- 8 Сии дни в древней Церкви, по своей торжественности, считались особенно удобными для крещения обращающихся язычников.
- 9 Диакон Понтий оставил жизнеописание святого Киприана.
- 10 В сан епископа Киприан был рукоположен, вероятно, в конце 248 г.
- 11 "Книга о падших", гл. 6.
- 12 "Книга о падших", гл. 6.
- 13 Император Декий царствовал с 249 по 251 г.
- 14 "Книга о падших", гл. 4.
- 15 Письмо 40-е.
- 16 Собор этот происходил в 251 г.
- 17 Новациан - пресвитер Римский, он писал ранее Киприану от имени всего римского клира по делу о принятии в Церковь падших.
- 18 Разумеется изгнание бесов, поселявшихся в людей.
- 19 Император Валериан царствовал с 253 по 259 г.
- 20 Курубис отстоял в нескольких днях пути от Карфагена.
- 21 Кончина святого Киприана последовала в 258 г.
- 22 В Ефесе происходил III Вселенский собор, в Халкидоне - IV.
- 23 Письма 71 и 73.
- 24 Письмо 73.
- 25 Письмо 62.
- 26 Письмо 71.
- 27 Письмо 6.
- 28 "О добродетели терпения", гл. 15.

Память святого Геннадия, патриарха Константинопольского

Святой Геннадий воспринял престол константинопольского патриаршества после святого Анатолия¹ в царствование императора Льва Великого². О богоугодной жизни его свидетельствуется в книге, называемой "Лимонарь"; в сей книге преподобные отцы Софроний и Иоанн повествуют так.

"Пришли мы, - говорят они, - в киновию³, называвшуюся Салама, отстоявшую от Александрии на девять поприщ, и нашли там двух старцев, бывших прежде пресвитерами церкви Константинопольской. Сии пресвитеры поведали нам о блаженном Геннадии, патриархе Константинопольском, что он был весьма кроток, соблюдал чистоту телесную и отличался воздержанием. Говорили о нем и то, что многие причиняли ему великие неприятности из-за одного клирика, весьма много согрешавшего, по имени Харисима. Сей клирик служил при храме святого

мученика Елевферия, и о нем говорили, что он не только проводит жизнь в лености,

нерадении и нечистоте греховной, но ходит на разбой и занимается волшебством. Призвав сего клирика, патриарх начал увещавать его, отечески исправляя его духом кротости, но видя, что он оставался неисправимым, повелел слегка наказать его. Когда же тот продолжал быть неисправимым и наказание не действовало на него, патриарх послал одного из слуг своих в храм мученика, при коем находился Харисим, умолять мученика, чтобы он сам исправил бы или отсек от Церкви преданного грехам клирика своего храма. Посланный, придя в храм, стал пред алтарем и, простерши руку ко гробу мученика, сказал:

- Святой мученик Елевферий! Патриарх Геннадий возвещает тебе через меня, грешного, что клирик Харисим, служащий в твоём храме, совершает многие беззакония и творит соблазны; посему ты или исправь его, или отсеки его от Церкви.

После сего, на другое утро, Харисим был найден мертвым.

Отсюда можно видеть сколь угоден был Богу и святым Его блаженный Геннадий, ибо слово его, обращенное к святому мученику через посланного, было в скором же времени услышано и исполнено на деле.

При сем святом Геннадии был построен в Константинополе храм в честь святого Иоанна, Предтечи Господня, некоторым сенатором, по имени Студием, пришедшим из древнего Рима; был устроен также и монастырь, названный Студийским (по имени сенатора Студия); в сем монастыре был учрежден чин неусыпающих.

При патриархе Геннадии экономом церковным был преподобный Маркиан. Сей Маркиан, сняв с себя последнюю одежду, отдал ее нищему; и видели сего преподобного Маркиана имеющим царскую порфиру под фелонью, как о том повествуется в житии его⁴. При сем же патриархе подвизался и святой столпник Даниил⁵, коего он рукоположил во пресвитера.

Во дни святого патриарха Геннадия в Константинополе совершилось такое чудо.

Один иконописец осмелился написать образ Христа Спасителя по подобию языческого бога Зевса⁶; и тотчас иконописца постигло наказание Божие, ибо рука его, осмелившаяся изобразить в таком виде Господа, иссохла. Он же, ощутив на себе столь скорое мщение Божие, поспешил к святейшему патриарху Геннадию и принес ему покаяние, исповедуя пред всеми с плачем грех свой. Святейший патриарх помолился о нем ко Господу и исцелил руку его, так что она стала здоровою, как и прежде.

Святой патриарх Геннадий имел обыкновение не поставлять в пресвитеры (желающего) до тех пор, пока он не выучит наизусть всю Псалтирь; ибо сей великий архиерей Божий ревностно заботился о строгом соблюдении чина церковного; он сознавал, что сей чин только тогда мог быть исполнен тщательно, когда все священники и клирики будут научены книжному разумению и возмогут понимать разумно Писание Божественное. Ибо пресвитер, необученный книгам, не мог бы учить иных; не мог исправлять и наставлять на путь спасения, не зная сам спасительного пути. На таковом сбываются слова Христовы: может ли слепой водить слепого? Не оба ли упадут ли в яму? (Лк 6:39).

Святой Геннадий созвал в Константинополе поместный собор, отчасти для искоренения ереси Евтихиевой, отчасти для благоустройства церковного; на сем соборе была запрещена симония (мздоимство), распространившаяся среди архиереев.

Святой Геннадий охранял вверенное ему словесное стадо тринадцать лет; он преставился ко Господу в царствование того же Льва Великого⁷.

Незадолго до дня кончины своей, когда святой Геннадий молился ночью в храме, ему явилось некое страшилище демонское; святой Геннадий отогнал сие страшилище знаменiem честного креста; диавол, убоявшись знамения креста, бежал, причем сказал: "Я

ухожу отсюда совершенно и не буду причинять здесь никому зла до тех пор, пока ты жив; но после смерти твоей приду опять и буду всяческими способами смущать Церковь, увлекая в погибель многих".

Святой Геннадий, проливая непрестанные слезы до дня смерти своей, молился ко Господу, дабы Он сохранил Церковь Свою так, чтобы она была неодолена вратами адовыми. И подобно тому, как при жизни своей он был усердным ходатаем ко Господу о святой Церкви, так и по преставлении своем воссылает о Церкви свои непрестанные моления, предстоя вместе с прочими святыми иерархами Главе Церкви, Христу, Владыке нашему, Коему вместе со Отцом и Святым Духом воссылается слава вечно.

1 Анатолий патриаршествовал с 449 по 458 г.

2 Лев Великий царствовал с 457 по 474 г.

3 Киновиями (от греч. *κοινος* - общий и *bios* - жизнь) называются общежительные монастыри, в которых братия содержится за счет монастыря и взамен того предлагают свой труд на общую пользу монастыря.

4 Память его совершается св. Церковью 10 января.

5 Память его совершается 11 декабря.

6 Зевс считался у древних греков верховным богом и родоначальником прочих богов (и людей).

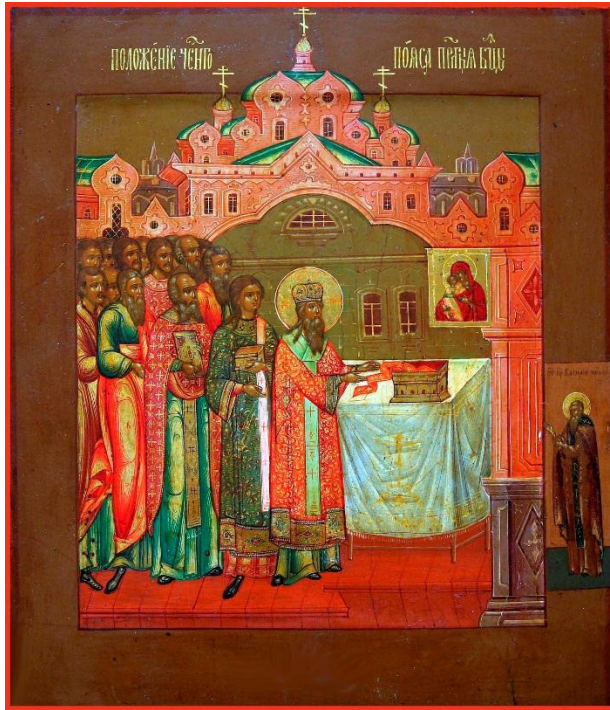
7 Святой Геннадий патриаршествовал с 458 по 471 г. Святому Геннадию приписывается несколько богословских сочинений. Геннадий Мессалийский замечает о святом Геннадии: "Муж красноречивый, острого ума, как был обогащен чтением древних, что до слова объяснил пророка Даниила, сочинил и много бесед". Все эти сочинения ныне неизвестны; до нас дошло только окружное послание его против симонии, утвержденное на соборе 459 г.

Иоанн митрополит Киевский и Всея Руси, святитель

Святой Иоанн в сане митрополита прибыл в Киев в 1080 году и скоро заслужил общее глубокое уважение. Преподобный Нестор (память 27 октября/9 ноября), его современник, говорит о нем: «Этот муж, сведущий в книгах, искусный в учении, милостивый к убогим и вдовицам, ласковый ко всякому – богатому и бедному, смиренный и кроткий». Свт. Иоанн скончался во второй половине XI века. Он оставил несколько сочинений, из которых известны «Послание митрополита Иоанна Клименту, папе старшего Рима» и «Церковное правило», писанное для черноризца Иакова и представляющее собою объяснение правил Вселенской Церкви в применении их к Церкви Русской.

профессор Сергей Иванович Смирнов. Жития русских святых

Положение честного пояса Пресвятой Богородицы

Честный пояс Пречистой Матери Божией, по принесении в Константинополь, был положен в золотом ковчеге за царскою печатью, в храме, построенном благочестивым царем Феодосием Младшим; сей храм был создан во имя Пресвятой Богородицы на месте, называвшемся Халкопратией, что значит "Медный торг".

Спустя много лет после сего, в царствование Льва Мудрого, случилось, что супруга его Зоя была мучима духом нечистым, по сей причине царь и его родственники были весьма опечалены; и начали все воссылать ко Господу усердные моления о страдавшей царице.

После сего царице Зое было видение Божественное, знаменовавшее, что она получит исцеление, если на нее будет возложен пояс Пресвятой Богородицы.

О сем видении царица рассказала своему мужу, царю Льву. Тотчас царь упросил патриарха открыть пояс Пресвятой Богородицы: была снята печать и открыт ковчег; и оказался честный пояс Пресвятой Богоматери целостным, нисколько не поврежденным от времени; все облобызали его с благоговением. И как только патриарх распростер его над царицей, тотчас она освободилась от мучения демонского и получила совершенное исцеление от недуга своего.

Тогда все с радостью прославили Христа Бога и Пречистую Матерь Его и, воспев благодарственные хвалебные пения, опять положили честный пояс в тот же золотой ковчег, запечатали его царскою печатью и установили празднование в честь Преподобной Девы Богородицы, в воспоминание чуда, бывшего от Ее честного пояса, по благодати, милосердию и человеколюбию родившегося от Нее Христа, Бога нашего.

Тропарь, глас 8:

Богородице Приснодево, человеков покрове, ризу и пояс пречистаго Твоего телесе, державное граду Твоему обложение даровала еси, безсеменным рождеством Твоим нетленна пребывающи, о Тебе бо и естество обновляется и время. Темже молим Тя, мир граду Твоему даровати, и душам нашим велию милость.

Кондак, глас 2:

Богоприятное Твое чрево, Богородице, объемший пояс Твой честный, держава граду Твоему необорима, и сокровище есть благих неоскудно, едина рождающая Приснодево.

Другой кондак, глас 4:

Честного пояса Твоего положение празднует днесь Твой, препетая, храм, и прилежно вызывает Ти: радуйся, Дево, христиан похвало.

Собор новомучеников Ясеновацких

Ясеновац (хорв. Jasenovac) – система лагерей смерти, созданная усташами (хорватскими фашистами) в августе 1941 года. Располагалась на территории Независимого Хорватского государства, сотрудничавшего с нацистской Германией, в 60 км от Загреба.

Зверскому обращению с заключенными ужасались даже нацисты.

Новомученики Ясеновацкие – православные узники в Хорватии, принявшие мученическую смерть в 1941–1944 годах. По различным свидетельствам, в годы Второй мировой войны в застенках Ясеноваца были уничтожены тысячи православных сербов,

многие из которых погибли за верность православию. Архиерейский Собор Сербской Православной Церкви прославил собор новомучеников Ясеновацких. Их имена включены в месяцеслов Русской Православной Церкви с установлением празднования их памяти 31 августа (13 сентября).

Мученик Вукашин из села Клепац

Вуксан-Вукан-Вук – православный серб из сербской Герцеговины, села Клепац, расположенного на восточном берегу реки Неретвы. В Клепце находилась старинная, начала XVI века, церковь святого апостола Луки – задужбина известных сербских храмостроителей Милорадовичей, и церковь Преображения Господня (до основания, так же как и само село, разрушенная хорватами в 1992 году).

Старец Вукашин происходил из рода Мандрап, родился, вероятно, в конце XIX века, вырос в родном селе, возмужав, уехал на заработки в столицу Боснии – Сараево.

С приходом новой власти – Независимой Державы Хорватской Вук был вынужден вернуться в родное село, но хорватские усташы, римо-католики добрались и в те края, от их страшного насилия над сербскими землями пострадала вся семья Вукашина, также как и многие другие православные сербские семьи, а он сам вместе с другими уцелевшими сербами, был угнан в известный концлагерь для сербов – Ясеновац. В январе 1943 года Вукашин был зверски убит усташским палачом Жилой Фригановичем.

Убийца, заметив старика-крестьянина, который с каким-то непостижимым, мудрым спокойствием наблюдал за зверствами палачей, решил сокрушить этот необъяснимый

покой, он отвел его в сторону, поставил на краю свежеврытой ямы, в которую сбрасывали изуродованных полуживых людей, и потребовал крикнуть: «Да здравствует Павелич!» (глава НДХ – прим. пер.). Старик спокойно молчал, тогда озверевший убийца схватил нож, отрезал ему оба уха и нос, затем вновь потребовал воздать хвалу Павеличу, пригрозив заживо вырвать Вукашину сердце, если тот будет молчать.

Блаженный мученик, спокойно взглянув на своего мучителя, тихо, но внятно произнес: «Делай, дитя, свое дело». Такой ответ и небесный покой, отражавшийся на лице святого мученика, привел убийцу в неистовство: вне себя от злобы, он вырезал ему сердце, выколол глаза, перерезал горло... До последнего вдоха Вукашин сохранил в душе Христов мир, последним его движением было троеперстное крестное знамение, за которое палач отсек ему руку, а сам, в исступлении бросив нож, пав уже при жизни в вечную погибель, ногами столкнул его в яму.

Фрески с изображением новомученика находятся в монастыре святого Архангела Гавриила в Земуне, в центре Белграда, в Иоанновском скиту монастыря Острог (Йован Дол), его лик изображен среди особо чтимых святых Захумско-Герцеговинской епархии на иконе, написанной к празднованию 780-летия епархии.

Свидетельство палача (записано доктором Недо Зецем)

...Усташ, рассказывающий мне эту историю, вновь замолчал; затем, допив рюмку ракии, продолжил:

– Помнишь, тогда, в августе, в лагере было большое поступление пленных? Тогда Йере Маричич послал на истребление около трех тысяч заключенных, а мы – Перо Брзица, Зринушич, Шипка и я – поспорили, кто за ночь больше перебьет. Началась бойня, уже через час по количеству убитых я заметно оторвался от других. В ту ночь я был на подъеме, мне казалось, что я словно отрываюсь от земли, что я на небесах: никогда прежде не ощущал я такого блаженства. За несколько часов я уничтожил больше тысячи человек, в то время как мои соперники закололи не больше 300–400.

И вот тогда, в момент высшего упоения, мой взгляд упал на пожилого крестьянина, он с каким-то необъяснимым спокойствием стоял и молча смотрел, как я убиваю жертву за жертвой и как те умирают в страшных мучениях. Его взгляд словно парализовал меня, я будто окаменел, несколько секунд я не мог шевельнуться.

Потом, я взял себя в руки подошел к нему, чтобы узнать, кто он. Он рассказал, что зовут его Вукашин, родом из села Клепац, что все его родные погибли от усташей, а его самого послали в Ясеновац. Он говорил об этом все с тем же спокойствием, которое потрясало меня намного сильнее, чем страшные крики и стоны умирающих вокруг нас людей. Когда я слушал старика, глядя в его небесно-чистые глаза, во мне вдруг вспыхнуло неукротимое желание самыми жестокими, адскими пытками разрушить этот непостижимый мне внутренний покой, чтобы его страданием, стонами и мукой, вернуть свое прежнее упоение кровью и болью.

Я вывел его из строя, сначала посадил на пень и приказал ему крикнуть: «Да здравствует Павелич!», пригрозив отрезать ему ухо в случае неповиновения. Вукашин молчал.

Я отрезал ему ухо. Он не проронил ни слова. Я снова приказал ему кричать: «Да здравствует Павелич!», пригрозив отрезать второе ухо. Он молчал. Я отсек ему другое ухо. «Кричи: “Да здравствует Павелич!” или лишишься носа!» Старик молчал. В четвертый раз я приказал ему кричать те же слова под угрозой вырезать из его груди живое сердце. Он

взглянул, как бы глядя сквозь меня, в какую-то бесконечность, и тихо, но отчетливо проговорил: «Дитя, делай свое дело!»

От этих слов я обезумел окончательно, бросился на него, выколол глаза, вырезал сердце, перерезал горло и ногами спихнул в яму. И тогда во мне будто что-то оборвалось. Я больше не мог убивать. Перо Брзица выиграл спор, перебив 1350 заключенных, я молча заплатил ему проигрыш.

С тех пор нет мне покоя. Я стал пить, все больше и больше, но алкоголь дает забвение ненадолго, и даже в опьянении я слышу этот голос: «Дитя, делай свое дело!» И тогда я, наталкиваясь на стены домов, бегу по улицам, с криками сокрушаю и бью все, что попадает на пути, кидаюсь на кого попало. Ночью нет сна, лишь только наступит забытие, я снова вижу ясный взгляд старика и слышу это невыносимое: «Дитя, делай свое дело!»

Я превратился в комок ужаса и боли, я бессилен перед этим кошмаром. День и ночь преследует меня светлый безмятежный лик Вукашина из Клепча.

Лагерный взгляд на сербскую историю

Независна Држава Хрватска – фашизм на сербской земле

Будущему мученику довелось жить в Независимом Государстве Хорватия (НДХ – Независна Држава Хрватска). Это было нацистское образование, сформированное с помощью гитлеровской Германии и Италии Муссолини, по благословению папы Римского Пия XII, на территории Югославии – Хорватии и Боснии и Герцеговины – сразу после захвата Югославии гитлеровскими войсками.

НДХ вошла в историю невиданными зверствами, учинёнными хорватами по отношению к сербам, евреям и цыганам. В период Второй мировой войны в НДХ было уничтожено около 2 миллионов сербов. В НДХ сербы были объявлены вне закона – с помощью католической церкви, под руководством архиепископа Алоизия Степинца, которого папа Иоанн Павел II впоследствии причислил к святым, проводилась чудовищная по своим масштабам, планомерная политика истребления сербов: их было можно безнаказанно убивать, пытаться, изгонять из домов, отбирать имущество...

Из многочисленных концлагерей самым известным стал Ясеновац, в котором погибло 700 000 человек.

Вукашин из старинного рода Мандрап

Вукашин происходил из герцеговинского рода Мандрап, имевшего свою ветвь и в Сараево (столица Боснии), хорошо известен древний красивый особняк Мандрапа на улице Милоша Обилича.

Мандрапы – древний зажиточный купеческий сараевский род. Они прославились как благотворители и защитники церковных владений и церкви святых Архангелов Михаила и Гавриила, так называемой старой сербской православной церкви, относившейся к 15 веку, которая была древнейшим зданием в Сараево. Сыновья старого Чича Мандрапы – Чедо и Добрило, двадцати и двадцати пяти лет, уже с апреля–мая 1941 года были связаны с «лесами», то есть, с вооруженными народными отрядами, защищавшими сербские села и те места, в которых сербы укрывались от усташского террора и геноцида, начинавшегося в мае 1941 года в окрестностях Сараево. Оба они пострадали в Ясеновце, там же где и их дядя – святой Вукашин.

До 70-тых годов дожили только сын Мандрапы Богдан, тяжелый инвалид, и дочь Славка – учительница. Ее сын, внук Чича Мандрапы, в восьмидесятые годы работал библиотекарем в Народной (университетской) библиотеке «Веница», которая позже будет снята и показана в репортажах мировых СМИ как «объект, превращенный в развалины сербскими гранатами со стороны Требевича», а на самом деле сторевшая в пожаре, ее сожгли, чтобы уничтожить огромный обличительный архив о прошлом Сараево и о сосуществовании трех религиозных общин (т.е. четырех, включая еврейскую).

Сам особняк Мандрапа на улице Милоша Обилича является ярким образцом городской архитектуры 18–19 вв. (он напоминает дом Манака в Белграде, а еще больше дом, в котором теперь находится кафе «Знак вопроса», напротив кафедрального собора в Белграде), должен был стать памятником этнической культуры и находиться под защитой государства.

В этом доме жил и работал (занимаясь торговым делом) и будущий святой мученик. Он пользовался большим уважением как ревностный защитник владений Сербской православной Церкви на Баш-чаршии (большой известный район Сараево), и поэтому именно этот храм и все сербское Сараево имеют серьезные основания прославлять святого Вукашина – раба Божия и слугу Архангелов как своего небесного защитника и покровителя. Вместе с ним в старой церкви певчими и чтецами служили Чедо, Добро и другие члены семьи Мандрапа. И пусть даст Господь, чтобы и сегодня этот храм и сербское Сараево хранила икона и вера святого Вукашина ясеновацкого, клепацкого, герцеговинского, сараевского, сербского и всеправославного!

До последнего вздоха он сохранил в душе Христов мир, а последним его движением было «троеперстное крестное знамение» (крста од три прста), за которое палач и отсек ему руку ... Пусть это крестное знамение святого Вукашина Ясеновацкого, парит над этим истстрадавшимся народом как благословение и мир, мир Христов, ибо только «сим победиши»!

Заговор молчания

Святой оставался в Сараево приблизительно до июня (возможно, июля) 1941 года, когда и многие другие известные жители уже начали покидать город, кто отправлялся в Сербию, где не было геноцида, кто бежал в «леса». Святой Вукашин укрылся в «лесах», в Герцеговине (но, конечно, не у партизан, тогда их там еще просто не было).

С тех пор родные святого потеряли связь с ним и ничего о нем не знали. Первые известия о его мученичестве, о величии его свидетельства о Христе поступили в Сараево только после войны от доктора Неделько Недо Зеца. Доктор Зец принес весть именно в дом оставшихся в живых членов семьи Мандрап (Богдану и Славке), когда пришел к ним на Крестную Славу в 1946 году.

Благодаря этой встрече известия о святом появляются приблизительно в 1946 году, и не только в Сараево, но и в Мостаре и Чаплине. Вся семья, весь род Мандрапов считался мученическим, и, зная о зверских преступлениях НДХ против сербов и евреев, титовская полиция в Сараево не решалась трогать дом Мандрапов, но о святом Вукашине не говорилось вслух, так же как и о самом Ясеновце – незаживающей ране тысяч сараевских семей (и тысяч семей по всей территории Боснии и Герцеговины).

Непосредственно после войны в Сараево встретились выжившие заключенные – «лагерники» Ясеновца. Это были или ясеновацкие «ремесленники», находившиеся в отдельной части лагеря и выполнявшие ремесленные работы для ближайшего усташского

гарнизона, или заключенные, которым «повезло», что от усташей их забрали немцы – и они ненадолго по пути в Германию задержались в Ясеновце.

Целью оставшихся в живых заключенных стало составление общих воспоминаний о Ясеновце, чтобы насколько возможно подтвердить факты пыток.

Лагерный взгляд на сербскую историю

Мы, бывшие заключенные Ясеновца, поняли еще в сороковые военные годы, что для наших врагов все мы «лагерники», лагерная нация. Наши военные «союзники» покажут нам и в 1944, и 1989–1999 годах, что для них мы народ, историю которого характеризует лагерь, а не освободительные восстания и военные победы. Поэтому для сербской истории, наряду с партизанским, военным и освободительным опытом, необходимо изучить и осветить опыт лагерный, чтобы и он стал частью нашей веры, нашей души, знаком жизнеспособности народа!

Святой старец Вукашин из Клепча – лагерное сознание сербской истории, наша живая вера, наш свидетель и заступник пред Господом Христом. С ним мы всегда будем помнить, что «Сей мир тиран и для тирана, а тем паче душам благородным!» (Петр П. Негош), всегда будем помнить, что из бездны нас может поднять смирение и непоколебимость веры святого Вукашина Ясеновацкого, а не политические решения.

Село Клепац было разрушено хорватами в 1992 году вместе с находившейся в нем церковью Преображения Господня.

Митрополит Дабробоснийский (в миру Петр Зимонич) родился 24 июня 1866 года в городке Грахово в семье известного священника и воеводы Богдана Зимонича – героя знаменитого Герцеговинского восстания 1875 года. В 1887 году будущий митрополит закончил Духовную семинарию в городе Релево, а затем в 1893 году продолжил свое духовное образование в Духовной академии в городе Черновцы. После окончания обучения поехал в Вену, где поступил в аспирантуру Венского университета. В 1895 году, вернувшись в Релево, стал преподавателем в Духовной семинарии. Пострижен в монашество и рукоположен в священнический сан он был в 1895 году митрополитом Серафимом (Перовичем), уже немало пострадавшим в свое время от гонений на православие и сербство. Рукоположение совершалось в монастыре Житомирский, имеющем многострадальную историю: во многих войнах он неоднократно подвергался разрушению и осквернению. Таким образом, в самом начале своего монашеского пути будущий митрополит получил сугубое благословение на мученичество.

В 1901-м, до конца учебного года, он находился в должности профессора Духовной академии и исполнял обязанности советника в консистории в Сараево (столица Боснии и Герцеговины). В 1903 году Священный Синод Константинопольской патриархии, возглавляемой тогда патриархом Иоакимом, избрал его митрополитом Захумско-Герцеговинским. На митрополичий престол владыка был возведен 27 мая того же года в Кафедральном соборе города Мостар (впоследствии усташа оставили от этого собора груды развалин). Спустя 17 лет, 7 ноября 1920 года, был избран митрополитом Дабробоснийским.

Митрополит Петр, пребывая на Захумско-Герцеговинской кафедре, принес на землю Герцеговины дух мира, утешая и примиряя народ. Митрополит, будучи великим патриотом, мужественно отстаивал церковную автономию Сербии от Австро-Венгрии, чем и завоевал огромный авторитет и поддержку народа. Его пребывание на боснийской земле принесло укрепление веры, религиозной активности, что позже, в 1905 году, дало свой плод: сербский

народ получил церковную автономию. Митрополит Петр был архиереем Сербской Церкви в период, когда римо-католическая церковь, поддерживаемая Австро-Венгрией, усиливала свои прозелитические происки в этих областях. Митрополит занял непримиримую позицию по отношению к оккупации и захвату исторических сербских земель Австро-Венгрией, он духовно поддерживал народ, вливая в души верующих надежду на лучшее будущее и духовное освобождение. Его служение, его мужество были примером и опорой для сербского народа во время аннексии Боснии в 1908 году и Первой мировой войны 1914 года.

Святитель был удостоен наивысших церковных наград – ордена святого Саввы I степени, Белого Орла IV степени и звезды Карагеоргия.

Вторая мировая война застала его в столице Боснии, Сараево, в сане митрополита Дабробоснийского. В связи с бомбардировками города митрополит Петр временно укрылся в монастыре Святой Троицы, недалеко от городка Плевля. Там ему довелось служить одну из воскресных литургий с архимандритом Серафимом, вместе с которым позже он испил и мученическую чашу.

Третьего дня Светлой седмицы 1941 года митрополит вернулся в Сараево. Между тем это уже были времена, когда в Сараево и других городах Боснии начались преследования и убийства сербов. Многие уговаривали святителя на время оставить кафедру и перебраться в Сербию или Черногорию. Все подобные предложения он пресекал словами: «Я – пастырь, и мой долг – делить с моей паствой и доброе и злое: один у нас крест, одна судьба, и я разделю ее со своим народом».

27 апреля 1941 года немецкий патруль из шести офицеров и солдат ворвался в здание митрополии. Один из нацистов спросил: «Ты тот самый митрополит, который выступал за войну с Германией? Ты заслуживаешь смерти». На что митрополит ответил: «Вы жестоко ошибаетесь, господин. Нашей вины в этой войне нет. Мы ни на кого не нападали, но не обманывайтесь, мы не сдадимся под ваши пули. Не дадим поглотить себя, словно каплю воды, мы народ – и имеем право на жизнь!»

В начале мая того же года митрополиту позвонил католический священник Божидар Брале, назначенный ответственным представителем усташей в Боснии и Герцеговине, и приказал в тот же день запретить всем священникам епархии употребление кириллицы и изменить все надписи на печатях на латинские, пригрозив, что, если в указанный срок распоряжение не будет исполнено, митрополита привлекут к ответственности. На что владыка отвечал: «Кириллицу нельзя уничтожить за 24 часа, и не забывайте, что война еще не закончена!» Такая позиция митрополита послужила поводом к его аресту 12 мая 1941 года.

Прежде чем митрополит Петр был арестован, он успел собрать подчиненное священство, чтобы дать указания о дальнейшей работе. Некоторые просили его благословения временно укрыться в Сербии, но митрополит ответил: «Оставайтесь со своими прихожанами и разделите с ними все, что бы ни случилось».

Его послушались все. Многие из этих священников приняли мученическую кончину, некоторые пережили войну и свидетельствовали о митрополите Петре и обо всем, что происходило в те страшные дни.

К вечеру 12 мая в митрополию пришли агенты-усташи и сообщили, что митрополит Петр должен немедленно последовать за ними в «дирекцию» для дознания. В «дирекции» он провел три дня. Вечером 17 мая он был перевезен в Загреб (столицу Хорватии) и заключен в полицейскую тюрьму. Вместе с ним там находились протоиерей Милан Божич,

доктор богословия Душан Ефтанович и доктор богословия Воя Бесаревич. Были сделаны фотографии, сняты отпечатки пальцев. В усташской картотеке митрополиту был дан номер 29781. Оттуда спустя несколько дней он был отправлен в концлагерь Керестинац близ Самобора. В концлагере ему сбрили бороду, сорвали мантию и подвергли страшным истязаниям, после чего перебросили в другой концлагерь, предположительно в Госпич либо в Ясеновац.

Существует несколько версий гибели митрополита Петра, но главное нам известно – он остался верен Богу до конца. Брошены ли его земные останки в Карпову яму на Велебите или в раскаленную печь крематория концлагеря Ясеновац, неизвестно. Но известно доподлинно, что он предал душу свою Господу, так же как многие верующие, с ним пострадавшие за православное исповедание, ставшее для них лестницей небесной в объятия Христа Бога, Которому подобает честь, и слава, и дары, Ему благодатные, – святые мученики и новомученики.

Главы из книги «Слава и боль Сербии» в переводе Светланы Луганской и цитаты из журнала «Светигора» издания Черногорско-Приморской митрополии Сербской Православной Церкви.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-sobor-novomuchenikov-jasenovackih>